

Драматично, не правда ли? И однако ни одинъ романистъ не придумалъ бы дверь, запертую вѣтромъ.

— Почему, ради самого неба, бросила она вашъ домъ? — вскричалъ Несторіусъ, когда Лапмеръ привелъ его въ библіотеку. — Что могло побудить ее къ такому поступку? Она, казалось мнѣ, совсѣмъ покорилась судьбѣ и рѣшила жить подъ вашей кровлей до тѣхъ поръ, пока литературный талантъ не дастъ ей независимости. И вотъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ мы разстались, она убѣгаетъ изъ дому, точно фурии гнались за ней. Что это значить?

— Это значить, что я грубая скотина, — отвѣчалъ Лапмеръ, стоя передъ Несторіусомъ съ опущенными глазами и угрюмымъ видомъ: — да, скотина. Я всегда былъ грубъ съ этой дѣвушкой, съ того самаго часа, какъ мой бѣдный братъ впервые привезъ ее въ домъ, и до того, какъ она оставила его, изгнанная моими дерзкими рѣчами. Да, вы вполне вѣрно упомянули о фурияхъ. Эта дѣвушка была моей Немезидой. Она дразнила во мнѣ всѣ дурныя страсти — гордость своимъ рожденіемъ, преувеличенную вѣру въ касту. Я съ самаго начала не влюбилъ ея, не хотѣлъ видѣть въ ней ничего, кромѣ дурного; я былъ жестокъ, бездушенъ, безжалостенъ; я видѣлъ, какъ ее обижали, и ни разу не вступился за нее. И затѣмъ, когда я пріѣхалъ въ этотъ разъ въ замокъ и увидѣлъ, какая изящная женщина вышла изъ нея, увидѣлъ ея оригинальную, духовную красоту, я бѣсился на себя за то, что не могу не восхищаться ею, бѣсился, что она переросла свое положеніе, осмѣяла мои предразсудки. Чѣмъ сильнѣе поддавался я вліянію ея мистической красоты, тѣмъ рѣзче нападалъ на нее, боролся съ желаніемъ видѣть ее, нарочно уходилъ изъ комнаты, когда она читала матушкѣ, убѣгалъ отъ нея какъ отъ заразы. И все-таки не могъ вырвать ее изъ сердца, и ея образъ преслѣдовалъ меня. Я просыпался внезапно по ночамъ потому, что мнѣ казалось, что я слышу ея голосъ, тѣ низкія, густыя ноты, которыя придавали небывалую мелодичность стихамъ Китса и Милтона. Я ненавидѣлъ себя за измѣну всѣмъ принципамъ моей жизни, которые заставляли меня искать совершенства только у высокорожденныхъ людей, и прелесть, привлекавшая меня въ ней, была оскорбленіемъ для моей гордости и заставляла меня проклипать ея существованіе. Въ такомъ настроеніи я былъ въ ту ночь, когда увидѣлъ васъ съ нею, вонъ изъ того окна. Я видѣлъ, какъ она бросилась къ вашимъ ногамъ и поцѣловала вашу руку,